

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В «ОПЫТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА» Ф.И. БУСЛАЕВА

Аннотация. В статье анализируется раздел «Имя прилагательное», содержащийся в «Опыте исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева. Несмотря на многолетние разыскания в области морфологии, проблема системной организации имени прилагательного как части речи продолжает оставаться одной из наиболее актуальных в современной русистике. Авторы статьи интересуются, как эта проблема решалась на ранних этапах становления русской грамматики, какие принципы доминировали при определении частеречной принадлежности слова. Ф.И. Буслаев описывает имя прилагательное в истории его тысячелетнего развития, опираясь на данные древнегреческого, церковнославянского, древнерусского и русского языков, учитывая материалы областных наречий. В грамматике дается представление о совместном функционировании и взаимодействии кратких и полных прилагательных, о роли заимствованной категории определенности / неопределенности в появлении полных прилагательных, о синтаксической функции, которая в конечном итоге стала решающим фактором в противопоставлении полных прилагательных кратким.

Наиболее ценной частью раздела является описание производных прилагательных, включающее подробную характеристику их морфемного состава. Ф.И. Буслаев обращает внимание на тот факт, что все относительные прилагательные производны. Они образуются от корней существительных, глаголов, наречий, а также от числительных и местоимений. Что же касается суффиксов и окончаний, то у полных прилагательных они содержат указание на то, что данное слово создано грамматикой для выполнения функции определения, что это его главная функция, что, занимая позицию определения при существительном, то есть, будучи морфологизированным членом, полное прилагательное максимально реализует себя как часть речи. Суффикс и окончание образуют концовку, которая играет решающую роль в определении частеречной принадлежности слова. Концовка доминирует даже тогда, когда семантика корня явно противоречит ей, как это имеет место, например, у порядковых числительных.

Эти и многие другие наблюдения Ф.И. Буслаева, сохраняя свою актуальность, способствуют совершенствованию современного видения имени прилагательного как части речи.

Ключевые слова: категориально-грамматическое значение признака; полногласные окончания; мутация полногласных окончаний; синтаксическая функция.

Сведения об авторах: Карпов Анатолий Карпович¹, кандидат филологических наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Пижневартковского государственного университета, действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), Международной педагогической академии (МПА), депутат Думы г. Нижневартовска; Ротова Людмила Николаевна², кандидат филологических наук, независимый исследователь.

Контактная информация: ^{1,2}628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56, каб. 320; тел.: 44-44-74; e-mail: ak.karpov@hmaro.er.ru¹; e-mail: fisenko41@yandex.ru².

А. К. Karpov, L. N. Rotova

THE ADJECTIVE IN «THE EXPERIENCE OF THE HISTORICAL GRAMMAR OF RUSSIAN LANGUAGE» WRITTEN BY F.I. BUSLAEV

Annotation. The authors analyze the section «adjective» contained in «The experience of the historical grammar of Russian language» of F. I. Buslaev. Despite years of researching in the field of morphology the problem of adjective system organization as a part of speech is supposed to be the most important in the modern Russian studies. The authors are interested in the solving of this problem on the early stage of Russian grammar establishment, they want to know what principles had dominated in determination of word's part-of-speech belonging. Buslaev described the adjective in the historical millennial development; he based his research on Classical Greek, Church Slavic, Old Russian and Russian language considering the matter of region dialects. In the grammar book author gives the information about joint functioning and cooperation of short and long adjectives, about the role of the borrowed category of definiteness / uncertainty in full adjectives occurring. There is some information about syntactic function which eventually became a determinant in opposition of long to short adjectives.

The most valuable part of section is the describing of derived adjectives, which includes detailed characteristic of adjectives' morphemic structure. Buslaev points readers' attention to the fact that all relative adjectives are derived. They are derived from roots of nouns, verbs, adverbs, numeral adjectives and pronouns. Long adjectives have suffixes and endings which show that a particular adjective derived for performing attributive function. That is the main function of long adjectives. Taking the position of attributive for noun, in other words, being a morphological member, long ad-

jective realizes potential as a part of speech at most. Suffix and ending form end-piece of words and they play a crucial role in determination of words' part-of-speech belonging. End-piece of word dominates even when semantics of root contradicts to end-piece, for example ordinal numerals.

These and more materials by F.I. Buslaev prove relevance and contribute to the improvement of the modern vision of an adjective as a part of speech.

Key words: categorical and grammatical meaning of the feature; plenophonic endings; sound-shifting of endings; syntactic function.

About the author: Karpov Anatoly Karpovich, Candidate of Philology, Professor, Department of Philology and Mass Communication, Nizhnevartovsk State University, active member of Russian Academy of Natural Sciences (RANS), the International Pedagogical Academy (IPA), the deputy of the Duma of Nizhnevartovsk; Rotova Lyudmila Nikolaevna, Candidate of Philology, independent researcher.

Имя прилагательное – особая часть речи, которая стала выделяться как самостоятельная только начиная с XIX века. В «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (1755) прилагательное все еще считалось «именем», то есть входило в группу слов, которые склонялись, противопоставляясь тем самым глаголам, обладающим способностью спрягаться [7, с. 376]. История имени прилагательного – яркая иллюстрация исчезновения одних грамматических значений и замены их другими. Вследствие появления этих новых значений формировалась и новая система грамматических признаков, с появлением которой границы имени прилагательного значительно расширились, но при этом потеряли свою определенность.

Многолетние попытки установления границ имени прилагательного наталкиваются на непреодолимое препятствие в виде противоречия между семантическим и грамматическим принципами разграничения частей речи. Если руководствоваться только семантическим принципом, то в состав имен прилагательных попадут лишь качественные прилагательные; если же отдать предпочтение принципу грамматическому, то в составе прилагательных окажутся слова и грамматические формы других частей речи. Компромиссным решением стало сочетание семантического и грамматического принципов и максимальное расширение понятия «признак предмета». Такой подход позволил сгладить противоречия, но не устранил их полностью: каждый из авторов вносил свое понимание в трактовку соотношения принципов выделения частей речи и по-своему определял содержание и объем понятия «признак предмета».

Описание имени прилагательного содержится в работах таких ученых, как М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, Л.П. Якубинский, В.В. Виноградов, Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров, Н.Ю. Шведова, В.А. Плотникова и мн. др.; о морфемике и словообразовании имен прилагательных писали В.В. Виноградов, В.В. Лопатин, И.С. Улукханов и др. В процессе длительного изучения имен прилагательных как части речи были получены весомые результаты, позволившие создать достаточно стройную рационалистическую систему, успешно реализованную в научной грамматике и в системе образования.

Однако, при всей полноте описания объекта, обнаруживаются некоторые мало заметные пробелы в изучении грамматической семантики аффиксальных морфем имен прилагательных. Вследствие этого грамматист теряет возможность построения морфемных моделей, объясняющих глубинные сходства и различия в строении этих слов. В устранении этого пробела мы видим актуальность настоящей работы.

Объектом анализа избран раздел «Имя прилагательное» в «Опыте исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева, изданной в 1858 году. Методом научного исследования является логический анализ текста.

«Книга «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858; со 2 изд., 1863 – «Историческая грамматика русского языка») заявлено автором как учебное пособие для преподавателей и составлено «на основании наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 24-го декабря 1848 года». Грамматика состоит из двух частей – «Этимологии» и «Синтаксиса».

Описание прилагательного содержится как в Части I (Глава вторая, раздел 4 [5, с. 117–129], Глава третья, раздел 3 [5, с. 219–232]), так и в Части II (Глава вторая, раздел 4 [6, с. 225–240]). Ф.И. Буслаев выделяет имя прилагательное как самостоятельную часть речи (наряду с именем существительным, глаголом, местоимением, числительным, наречием, предлогом, союзом и междометием), однако полного определения ему не дает. В то же время, в отличие от своих предшественников, ученый проводит четкую границу между морфологией и синтаксисом, а в учении о частях речи различает морфологические признаки (словообразование и словоизменение) и синтаксические (значение и употребление частей речи) [8, с. 36–37].

В соответствии с дифференциацией значений строится и порядок описания прилагательных. Так, во второй главе Части I § 65 посвящен кратким и полным прилагательным; § 66 – прилагательным качественным и относительным; § 67 – важнейшим суффиксам относительных имен прилагательных; § 68 – способам выражения интенсивности проявления признака; § 69 – подробному описанию степеней сравнения. Третий раздел третьей главы целиком представляет собой описание склонения имен прилагательных.

В Части II «Синтаксис» производится анализ синтаксических функций имен прилагательных, при этом порядок их рассмотрения следующий: в § 221 описывается употребление кратких и полных форм имен прилагательных; в § 222 – употребление кратких и полных форм в церковнославянском и древнерусском языках, а также дается представление о способах перевода прилагательных с греческого языка на славянский; в § 223 – описывается употребление относительных прилагательных и способы их перевода с греческого; в § 224 – род и число прилагательных; в § 225 – употребление степеней сравнения; в § 226 – описательные формы, употребляемые для выражения степеней сравнения прилагательных; в § 227 – переходы прилагательного в наречия.

Описание имен прилагательных Ф.И. Буслаев начинает с характеристики кратких и полных форм, рассматривая их соотношение в диахроническом плане. Имена прилагательные бывают либо краткими (*добр-ъ, добр-а, добр-о*), либо полными. Полные прилагательные образуются путем присоединения местоимения *и, я, е* к окончанию кратких прилагательных (*добры-й, добра-я, добро-е*) [5, с. 117]. Исторически, таким образом, полные прилагательные производились от кратких с помощью местоимения.

Ф.И. Буслаева как историка языка интересуют вопросы фонетических чередований, поэтому соотношение кратких и полных прилагательных он рассматривает и с этой стороны. Исходя из того, что краткие прилагательные переходят в полные, а не наоборот, он описывает процесс появления беглых гласных, объясняя своим слушателям, что русский язык делает это для благозвучия. Термин «беглые гласные» Ф.И. Буслаевым не используется, но приводимые им примеры являются убедительной иллюстрацией этого фонетического явления: «*крат-о-къ – крат-кйй, тяж-е-къ – тяж-кйй, гор-е-къ – гор-ь-кйй, поко-е-нъ – поко-й-ный*» [5, с. 118].

Предполагая, что его слушателям уже известны важнейшие фонетические законы праславянского языка (закон возрастающей звучности при построении слога и закон слогового сингармонизма), а также результаты прекращения действия этих законов, Ф.И. Буслаев приводит для сравнения примеры из церковнославянского языка, где закон открытого слога действовал более продолжительное время. Слова состояли только из таких слогов, которые подчинялись закону восходящей звучности. Этому способствовали редуцированные гласные *ъ, ь, и*, которые сохранялись как в краткой, так и в полной форме прилагательных: *кра/тъ/къ/, кра/тъ/кы/и/, тя/жь/къ/, тя/жь/кы/и/, го/рь/къ/, го/рь/кы/и/, по/ко/и/нъ/, по/ко/и/ны/и/* [5, с. 118]. С помощью этого языка можно объяснить правописание некоторых русских слов: «Остатокъ церковнославянскаго перехода краткой формы в полную сохранился у насъ въ прилагательномъ *досто-и-нъ* (вм. *досто-е-нъ*), *досто-й-ный*, в отличие отъ причастия *(у)досто-е-нъ, (у)досто-е-нный*» [5, с. 118].

Давая общую характеристику кратким и полным прилагательным, Ф.И. Буслаев говорит о том, что не все прилагательные обязательно располагают как кратким, так и полным окончанием. Одни прилагательные бывают только полными (*большой, нынѣшній, вчерашній*), другие только краткими (*радъ, гораздъ, сестринъ, Борисовъ*) [5, с. 118].

В примечании об истории кратких и полных прилагательных говорится следующее: 1) в церковнославянском языке многие прилагательные употреблялись только в краткой форме, тогда как в настоящее время они обладают только полной: ср. *чловѣчьскъ* и *человѣческий*; 2) в древнерусском языке некоторые прилагательные употреблялись в полной форме, а сейчас используются только в краткой: *Борисовый, Глѣбовый, Всеволожій, Ярославій*; 3) по мнению Ф.И. Буслаева, «народный языкъ богаче книжнаго краткими формами прилагательныхъ, какъ это видимъ в пѣсняхъ, пословицахъ и другихъ произведеніяхъ изустной словестности» [5, с. 118].

Однако наиболее важные наблюдения над соотношением кратких и полных прилагательных высказаны во второй части грамматики, где освещаются вопросы синтаксиса. Ф.И. Буслаев рассматривает синтаксические функции этих форм. Он говорит о том, что в русском языке краткие прилагательные все чаще стали употребляться в составе сказуемого, а главной функцией полного прилагательного стала функция определения. Окончания полных прилагательных служат теперь для совершеннейшего согласования прилагательного с существительным во всех падежах обоих чисел: *полезная книга, полезной книги, полезною книгою, полезными книгами* [6, с. 225–226].

В.В. Виноградов, анализируя лингвистические воззрения Ф.И. Буслаева, приводит его слова о том, что язык можно уподобить какому-нибудь старинному городу, в котором остатки дохристианских развалин частью перестроены в храмы, частью в жилые дома и где рядом с античным портиком уютно и скромно располагается хижина новейшего изделия [2, с. 69]. Такое восприятие языка вполне естественно для историка-компаративиста, оно объясняется постоянными обращениями Ф.И. Буслаева к древним текстам, которые помогают ему разобраться в происхождении и сути грамматических процессов более поздних эпох. Так он поступает и в этот раз, когда пишет, что в церковнославянском языке прилагательные, как полные, так и краткие, могли использоваться в качестве определения. Полные прилагательные имели на конце постпозитивный артикль, это было местоимение, призванное выражать определенность того предмета, к которому относилось прилагательное. Аналогичные формы существовали в греческом языке, где этот постпозитивный артикль именовался членом. В итоге полные прилагательные в церковнославянском языке стали называться определенными или членными. Соответственно краткие прилагательные квалифицировались как неопределенные и нечленные.

При персводе греческих текстов на церковнославянский язык славянские персводчики стремились сохранить особенность подлинника, состоявшую в том, что, если в тексте стояли рядом два прилагательных или два причастия, то первое слово употреблялось с постпозитивным артиклем (членом), в то время как второе его не имело. В таком случае наши переводчики первое слово ставили с полным окончанием, а второе с кратким. В дальнейшем исправители не сочли нужным соблюдать эту грамматическую тонкость и ставили в обоих случаях или краткие, или полные формы.

От общего описания кратких и полных прилагательных Ф.И. Буслаев переходит к описанию прилагательных непроизводных и производных:

«По образованию своему прилагательныя бывают первообразныя и производныя. Первообразныя присовокупляютъ признакъ рода: *-ъ -ь, -а -я, -о -е, -ый -ий, -ая -яя, -ое -ее*, непосредственно к корню; напр. *яр-ъ яр-ый, син-ъ син-е* и проч.» [5, с. 118]. Однако таких прилагательных не так уж много, гораздо больше в языке прилагательных производных. У производных прилагательных между корнем и родовым окончанием находится суффикс. Ф.И. Буслаев называет следующие суффиксы имен прилагательных.

Суффикс *-р* имеется в слове *доб-р-ый*, он проявляется при сопоставлении этого слова с исторически однокоренными *у-доб-ный*, *по-доб-ный* и др., произведенными от славянского *доб-а*, что означает «пора».

Суффикс *-н* выявляется таким же способом, т.е. путем подбора исторически однокоренных слов, в словах *пол-н-ый*, *яс-н-ый*, *у-кром-н-ый*, *с-кром-н-ый*.

Суффикс *-к* обнаруживается в словах *гиб-к-ий*, *мяг-к-ий*. В последнем слове произошла диссимиляция конечного согласного корня, исходный корень *мяк-* содержится в словах *мяк-нуть*, *мяк-ишь*.

Суффикс *-ат* в слове *бог-ат-ый* выявляется при сопоставлении со словом *у-бог-ий* и другими словами того же корня.

Суффикс *-л* присутствует в словах *теп-л-ый*, *свет-л-ый*, *кис-л-ый* и др. Слово *теп-л-ый* Ф.И. Буслаев ассоциирует с древнейшим церковнославянским кратким прилагательным *топлъ*, в котором, по всей видимости, согласный *т* был твердым, в отличие от смягченного восточнославянского *т*.

Суффикс *-лив* является сложным, появившимся в результате слияния суффикса *-л* с суффиксом *-ив*: *крад-лив-ый*, *проказ-лив-ый*, *страш-лив-ый* и друг. [5, с. 118–119].

Суффиксы в славянских языках, в том числе и в древнерусском, являются по происхождению постфиксами, главным образом словообразовательного значения. Они существовали уже в праславянском языке, который унаследовал их из еще более древних языковых эпох. Прилагательные с древними суффиксами пережили процесс опрощения, это значит, что суффиксы в их составе слились с корнем. Однако благодаря наличию суффиксов прилагательные стали более выразительными в звучании, а их основы легко присоединяли окончания.

Суффиксы имен прилагательных могли присоединяться к корню со значением признака: *яр-ъ – яр-к-ий*. Однако таких «первообразных» корней не так уж много, поэтому суффиксы свободно присоединяются к глагольным корням (*кис-ну-ть кис-л-ый*), к существительным (*домъ дом-ов-ый*, *зверь звер-ин-ый*) и наречиям (*вчера вчера-сь вчера-ш-ний*) [5, с. 119]. Ф.И. Буслаев, вслед за А.Х. Востоковым [3, с. 53], включал в состав производных прилагательных также причастия и числительные (правда, в отличие от А.Х. Востокова, только порядковые).

Семантика корня, таким образом, не играет решающей роли в словообразовании прилагательных. Корень прилагательного совсем не обязательно должен быть связан с обозначением признака предмета, он может иметь любую частеречную «окраску». Наиболее активными в словообразовательном отношении Ф.И. Буслаев считал корни глаголов: «Основными корнями въ образовании частей речи знаменательныхъ бывають корни глагольные, отъ которыхъ происходятъ какъ глаголы, такъ и имена существительныя и прилагательныя» [6, с. 82]. Иными словами, ученый фактически отрицал семантический принцип в качестве основного при характеристике прилагательных как части речи.

Рассуждая о производных именах прилагательных, Ф.И. Буслаев делает небольшое отступление относительно разрядов слов этой части речи. «По значенію прилагательныя дѣлятся на качественныя и относительныя. Первыя означаютъ свойство предмета безъ отношенія къ другимъ предметамъ; напр. *бѣлый*, *чистый* и проч. Послѣднія означаютъ признакъ предмета, зависящій отъ другихъ предметовъ, которымъ что-либо принадлежитъ (напр. *Иванъ – Ивановъ*), или изъ которыхъ что-либо сдѣлано (напр. *железо – желѣзный*), или къ которымъ что-либо относится (*небо – небесный*, *вчера – вчерашній*), и т.п.» [5, с. 119]. Это отступление необходимо ему для того, чтобы обратиться к углубленному анализу словообразования относительных имен прилагательных. Свой анализ он начинает с описания важнейших суффиксов этого разряда слов.

Суффикс *ь*. Этот суффикс является одним из самых древних, он широко употреблялся в церковнославянском и древнерусском языках. Будучи редуцированным звуком в слабой позиции, *ь* восходит к гласному *-и*. Суффикс совершенно особенный: он присоединялся к оду-

шевленными именами существительными мужского рода, в том числе к именам собственным, превращая их в краткие притяжательные прилагательные:

<i>Существительные церковно-славянского языка</i>	<i>Притяжательные прилагательные-церковнославянского языка</i>	<i>Перевод на русский язык</i>
Адамъ	Адам-л-ь	Адамов
Авраамъ	Авраам-л-ь	Авраамов
кнѣзь	кнѣж-ь	князев
человѣкъ	человѣч-ь	человечий
<i>Существительные древнерусского языка</i>	<i>Притяжательные прилагательные-древнерусского языка</i>	<i>Перевод на русский язык</i>
Иванъ	Иван-ь	Иванов
Владимиръ	Владимир-ь, Володимер-ь	Владимиров
Спасъ	Спаш-ь	Спасов
Борисъ	Бориш-ь	Борисов

На таблице хорошо видно, как присоединение суффикса -ь могло изменять фонетический облик отдельных притяжательных прилагательных, вызывая изменения конечного согласного основы. Ф.И. Буслаев добавляет, что и названия городов «*Ярослав-л-ь, Переяслав-л-ь* и др., суть не что иное, какъ прилагательныя, отъ собственныхъ именъ *Ярославъ, Переяславъ*» [5, с. 120]. Название города *Владимиръ* также является по происхождению притяжательным прилагательным.

Процесс образования притяжательных прилагательных в вышеприведенных примерах происходил путем замены субстантивного окончания адекативным суффиксом, который и становился показателем части речи. Однако возможности суффикса -ь весьма ограничены, поскольку он постоянно вызывал фонетические изменения предшествующих согласных звуков. В русском языке этот способ образования прилагательных был утрачен.

Суффикс **-ий**. Необходимость в средствах выражения рода и числа привела к появлению более гибкого словообразовательного средства: суффикс *-ь/-и* соединился с указательным местоимением *и*, так образовался значительно более внятный суффикс *-ий*, который стал использоваться при образовании притяжательных прилагательных от названий животных. По звучанию суффикс совпал с полным окончанием, поэтому Ф.И. Буслаев пишет: «Помощию того же суффикса *-и* образовались съ полнымъ окончаніемъ нынѣ употребительныя: *бараній, соболій, лѣшій, волчій, бѣлужій* и др., отъ существительныхъ: *баранъ, соболь, лѣсъ, волкъ, бѣлуга*» [5, с. 120]. Каждое из этих прилагательных изменяется по родам, числам и падежам. В современной русской грамматике эти слова членятся следующим образом: *лис-иј-Ø, лис-ј-е, лис-ј-а, лис-ј-и* [9, с. 222].

Суффикс **-ов/-ев** также используется для образования притяжательных прилагательных от существительных на *-ъ* или *-ь* и на *-о* или *-е*: *Иванъ – Иван-овъ, конь – кон-евъ, солнце – солнц-евъ*.

Суффикс **-ин/-ын (-н)** – при образовании притяжательных прилагательных от имен существительных на *-а* или *-я*: *матушка – матушк-ин-ъ, батюшка – батюшк-ин-ъ, Царица – Цариц-ын-ъ* [5, с. 120].

Таким образом, Ф.И. Буслаев показал, как происходил исторический процесс совершенствования суффиксов притяжательных прилагательных. В его описании мы находим все суффиксы этих прилагательных, которые существуют и в современном русском языке¹. Словообразовательным значением этих суффиксов является принадлежность чего-либо лицу или животному, значительно реже – неодушевленным предметам.

¹ В совр. русском языке притяжательные прилагательные имеют суффиксы **-ов(-ев), -ин(-ын), -ий** (а в косвенных падежах мужского рода и во всех падежах женского и среднего рода **-й**).

Суффиксы собственно относительных прилагательных не отделяются Ф.И. Буслаевым от суффиксов притяжательных прилагательных. Напротив, он даже пытается как-то сблизить их значения.

Суффикс **-ск**. В качестве примеров приводятся слова *муж-ск-ой*, *муж-е-ск-ий*, *брат-ск-ий*. Очевидно, что значение принадлежности выражено в этих прилагательных значительно слабее, чем в приведенных выше притяжательных. Это скорее характеристики моральных или каких-либо иных качеств. Приводимые Ф.И. Буслаевым примеры названий городов лишь подтверждают сказанное: «Къ остаткам имен прилагательныхъ краткихъ принадлежат названия городовъ: *Смолен-скъ* (въ старину: *Смолен-ь-скъ*, *Смолен-е-скъ*), *Архангел-ь-скъ* (въ старину говорили: «Архангельской городъ»)) [5, с. 120].

В примечаниях Ф.И. Буслаев описывает многочисленные фонетические преобразования корневых морфем, связанные с присоединением суффикса **-ск** к прежним кратким прилагательным, которые оканчивались на **-ь**. Сам этот мягкий звук, бывшее окончание краткого прилагательного, в русском языке, в отличие от старославянского, в чистом виде сохранился далеко не везде, но он оставил следы своего пребывания в виде превращений конечно-согласного корневой морфемы в мягкий шипящий звук. Отсюда: *Риг-а Риж-ский*, *Лях-ъ Ляш-ский* (вместо *Риж-ь-ский*, *Ляш-ь-ский*), *бож-е-ский*, *человѣч-е-ский* (вместо *бож-ь-ский*, *человѣч-ь-ский*). В изменении звукового состава корневых морфем этих и подобных слов сыграли свою роль фонетические законы первого переходного смягчения заднеязычных согласных, а затем закон падения редуцированных. Прилагательные с суффиксом **-ск-**, образовавшиеся в более позднее время, уже не претерпевают изменений корня: *Петербургъ Петербургский*, *Гамбург Гамбургский*.

Фонетические преобразования испытывали не только корневые морфемы, но и сам суффикс **-ск-**. Присоединяясь к согласным **ч** и **к**, он вместе с ними превращался в **цк**: *Галичь Гали-цк-ий* (вместо *Галичь-ск-ий*); *Грекъ гре-цк-ий* (вместо *грек-ск-ий*, *грет-ск-ий* или *гречь-ск-ий*, откуда *греч-е-ский*), *дурак дура-цк-ий* (вместо *дурак-ск-ий*, *дурат-ск-ий* или *дурачь-ск-ий*).

Присоединяясь к корням, оканчивающимся на согласные **д** и **т**, этот суффикс при написании слов мог оставаться без изменений, но произносился как **[цк]**: *швед-ский*, *кадет-ский*. Однако в словах более древнего происхождения он все-таки переходил в **-цк** и на письме: река *Полота* – город *Полоцкъ*.

Суффикс **-ск-** принял участие в образовании прилагательных, обозначающих принадлежность к какому-либо народу: *швед-ский*, *француз-ский*, *англий-ский*, *рус-ский*, *дат-ский*.

Таким образом, все относительные прилагательные, включая и разновидность притяжательных, были образованы с помощью суффиксов. Фонетические процессы, происходившие на стыке корневой и суффиксальной морфем, придавали новым словам неповторимый фонетический облик, поскольку процесс их образования не был механическим и однообразным.

Ф.И. Буслаев обратил внимание и на такой процесс, как образование имен существительных от прилагательных суффиксальным способом. По его наблюдениям, от ряда прилагательных на **-ский** при помощи суффиксов **-ина** и **-икъ** образуются имена существительные, при этом сам суффикс **-ск-** превращается в **ц**:

1) **-ина**: *бѣсов-ск-ий бѣсов-ц-ина*, *деревен-ск-ий деревен-ц-ина*, *жен-ск-ий жен-ц-ина*, *муж-ск-ой муж-ц-ина*. По поводу последнего слова Ф.И. Буслаев замечает, что пишут также *мужчина* и что такое написание более употребительно. В областном же просторечии говорится: *мужщина*.

2) **-икъ**: *ям-ск-ой ям-ц-икъ*, *день-ск-ой день-ц-икъ*. Далее Ф.И. Буслаев описывает следующие превращения, видоизменения концовки **-ц-икъ**, называя ее «окончанием»:

а) после **д** и **т** концовка **-ц-икъ** изменяется в **-чикъ**: *завод-ъ завод-чикъ*, *газет-а газет-чикъ* и др.;

б) к перед концовкой *-щикъ* смягчается в *т*, и тогда *-щикъ* переходит в *-чикъ*: *потакать потат-чикъ*. По логике вещей следовало бы писать также *порут-чикъ*, поскольку слово *поруч-ать* образовано от слова *рука*, однако на практике сложилось написание *поручикъ*.

в) во время написания данной грамматики действовала следующая закономерность: звуки *з* и *с* перед суффиксом *-щикъ* выпадали, вследствие чего нужно было писать *изво-щикъ* (от *извоз-ъ*), *ре-щикъ* (от *рез-ать*), *доно-щикъ* (от *донос-ъ*) вместо *извоз-щикъ*, *рез-чикъ*, *донос-щикъ*².

Завершая анализ суффиксов относительных имен прилагательных, Ф.И. Буслаев делает следующее замечание: «Часто смешивают суффиксы *-ь* (*-и*, *-j*), *-ов*, *-ев*, *-ин*, съ суффиксомъ *-ск*. Но первые означаютъ принадлежность; напр. *божій*, *человѣчій*, *царевъ*, *батюшкинъ*; а последний – отношение: *божескій*, *человѣческій*, *царскій*, *отеческій*» [5, с. 122].

Далее предметом анализа становятся способы выражения интенсивности признака. Сначала автор грамматики называет эти способы: 1) суффиксы, которые смягчают, уменьшают или усиливают то или иное качество: *бѣл-ен-екъ*, *бѣл-ех-он-е-къ*, *бѣл-еш-ен-е-къ*, *бѣл-ов-ать*; 2) суффиксы (окончания), которыми обозначаются степени качества, или сравнения; степеней сравнения насчитывается три: положительная (*хорошъ*), сравнительная (*лучше*) и превосходная (*самый лучший*).

Предваряя описание степеней сравнения, Ф.И. Буслаев делает следующее важное замечание: «Окончания степеней сравнения и окончания смягчающія, усиливающія и ослабляющія качество составляютъ принадлежность прилагательныхъ качественныхъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ, по самому значенію, не можетъ оказываться большая или меньшая мѣра качества; каковы напр. *бездѣтный*, *женатый*, *четвероногій* и т.п.» [5, с. 122]. Тут же следует оговорка, что некоторые относительные прилагательные могут приобретать смысл качественных; в этом случае они также становятся способными к выражению степеней интенсивности признака: *деревянный* (бесчувственный) – *деревяннее*, *одинъ* – *одинехонекъ*, *первый* – *первенькой*, *первейший*.

Способы выражения интенсивности признака не могут сочетаться в одном слове, «поэтому, напр., отъ прилагательныхъ *бѣловатъ*, *бѣлехонекъ*, *бѣлешенекъ*, нельзя произвести сравнительной степени: *бѣловатѣе* и проч.» [5, с. 123].

Интересно примечание Ф.И. Буслаева, которое, как кажется, проливает свет на причину того, что в существительных, прилагательных и даже наречиях используются примерно одни и те же уменьшительно-ласкательные и увеличительные суффиксы. Он пишет, что и предмет, и его признаки могут быть представлены в большей или меньшей мере, поэтому, например, увеличительные суффиксы имен существительных могут присоединяться и к некоторым именам прилагательным для выражения высокой степени проявления признака (напр. *руч-и-щ-а* и *больш-у-щ-ій*) или для выражения уменьшительно-ласкательного значения *бѣл-ен-ь-кій* и *руч-ен-ь-ка*) [5, с. 123].

История степеней сравнения рассматривается очень подробно. Автор отмечает, что древнейшие суффиксы степеней сравнения сохранились только в образовании слов, то есть давно подверглись процессам переразложения и опрощения. Так, суффикс сравнительной степени *-тор-* или *-тер-* содержится в местоимении *ко-тор-ый*, в числительном *в-тор-ой*. «И доселѣ съ словами *который* и *второй* соединяемъ понятіе о сравненіи: *который*, т.е. кто или что изъ двухъ или изъ многихъ; *второй* же, по самому значенію, указываетъ уже на выборъ изъ двухъ» [5, с. 123].

Суффикс превосходной степени *-ст-*, по мнению Ф.И. Буслаева, сохранился в концах именъ прилагательныхъ: *рогастъ*, *плечистъ* и в существительном *староста*. В немецком языке он образует превосходную степень.

² В современном русском языке действует правило: в суффиксе существительных *-чик* (*-щик*) после букв *д-т*, *з-с* и *ж* пишется буква *ч*. В остальных случаях пишется буква *щ*.

Древнейшие суффиксы *-м-* и *-т-* со значением превосходной степени используются при образовании имен числительных порядковых, поскольку последние означают «постепенное восхождение по лестнице чисел»: *сед-м-ый*, *дев-т-ый*.

Таким образом, к числу древнейших праславянских суффиксов со значением сравнительной степени Ф.И. Буслаев относил суффиксы *-тор-* /*-тер-*, а со значением превосходной степени – суффиксы *-ст-*; *-м-*; *-т-*.

Древнейшие праславянские суффиксы	Со значением сравнительной степени	Со значением превосходной степени
	-тор-; -тер-	-ст-; -м-; -т-

Ученый утверждает, что в церковнославянском и русском языках для образования сравнительной степени в грамматике существуют специальные суффиксы. Что же касается превосходной степени, то для ее образования используются приставки *пре-*, *наи-*: *пре-умный*, *пре-добрый*, *пре-умнейший*, *пре-добрейший*; *наи-больший*, *наи-лучший*. Кроме того, в просторечии встречаются приставки (Ф.И. Буслаев называет их частицами) *раз-* и *на-*: *раз-удалый*, *раз-прекрасный*, *раз-прекраснейший*, *на-больший*, *на-мелко*.

Продолжая анализ способов образования форм сравнительной степени, Ф.И. Буслаев обращается к церковнославянскому языку, в котором, по его мнению, следует выделять два периода – древнейший и позднейший. Древнейшими были следующие суффиксы сравнительной степени:

Древнейшие суффиксы сравнительной степени в церковнославянском языке	мужск. рода	женск. рода	средн.рода
	-ш-, -щ-	-ьши-	-е- -ше-, -ее-

Этот период характеризуется образованием так называемых неправильных форм сравнительной степени: *боль-ш-ий*, *мень-ш-ий*, *луч-ш-ий* (при положительных *великий*, *малый*, *хороший*). Формам сравнительной степени с полными окончаниями соответствуют краткие *боль-ше*, *мень-ше*, *хуже*. К древнейшему периоду образования сравнительной степени принадлежит и разговорная форма *пуций*, *пуще*. Прилагательное *пуций*, *пуцая*, *пущее* (крепкий, сильный) встречалось и в древнерусских текстах: «яко прости людье суть, пуцее Половец» (Лет. по Ипат. сп.), то есть «будучи простыми людьми, они сильнее половцев».

Вместо *лучший* в старину употребляли *лѣтний* (от *лѣтний*); это слово до сих пор сохраняется в славянских языках. Кроме того, было известно слово *луче*, бытовавшее в областном просторечии и во времена Ф.И. Буслаева.

К древнейшему периоду развития церковнославянского языка относятся и некоторые прилагательные, имеющие в сравнительной степени среднего рода двойное окончание³: на *-ше* и на *-ѣе*, например: *боль-ше* и *бол-ѣе*, *мень-ше* и *мен-ѣе*, *даль-ше* и *дал-ѣе*, *доль-ше* и *дол-ѣе*, *тонь-ше* и *тон-ѣе* (см. таблицу выше).

В книжном языке принято употреблять сравнительную степень с окончанием *-ше* в качестве прилагательного, а формы на *-ѣе* – в смысле наречий. В разговорной речи такого различия нет, в обоих случаях используется только форма с окончанием *-ше*.

В древнерусском языке употреблялись древнейшие формы *боле*, *мене*, *дале* (вместо современных Ф.И. Буслаеву *болѣе*, *менѣе*, *далѣе* и др.). И наоборот: *лучиѣе*, *получиѣе*, *тишиѣе* вместо *лучше*, *получше*, *тише*.

³ Говоря о формах сравнительной степени, Ф.И. Буслаев часто употребляет слова «суффиксы» и «окончания» как равнозначные.

Второй период в развитии сравнительной степени Ф.И. Буслаев называет позднейшим. В церковнославянском языке этот период характеризуется появлением новых суффиксов сравнительной степени:

Суффиксы сравнительной степени (позднейший период церковнославянского языка)	муж. род.	женск. рода	средн.рода
	-еи, -аи	-еиши, -аиши	-ее, -ае
Примеры	добр-еи	добр-еиши	добр-ее
	льгъч-аи	льгъч-аиши	льгъч-ае

После небных согласных звук *е* (ять) изменяется в *а*, поэтому возникают варианты суффиксов: *еи* /*аи*; *еиши* /*аиши*; *ее* / *ае* [5, с. 126].

В русском языке этого периода образуются формы, в которых суффиксы употребляются либо с полным окончанием (*добр-ейши-ий*, *легч-айши-ий*), либо с кратким (*добр-ѣе*, *легч-е*). Происходит сложнейшее взаимодействие всех морфем, формирующих состав слова.

Иногда древнейшее окончание присоединяется непосредственно к корню слова: *выс-о-къ* – *выс-ий*; *крас-н-ый* – *краш-е*; *тон-о-къ* – *тон-ѣе* – *тон-ѣе*.

Окончания *-ѣе*, *-ѣйши* (или *-айши*) присовокупляются уже и к суффиксу: *выс-о-ч-айши-ий*, *крас-н-ѣе*, *тон-ч-айши-ий* и проч.

Впрочем, иногда оба окончания вытесняют предшествующие им суффиксы, присоединяясь непосредственно к корням:

положительная степень	сравнительная степень
низ-о-къ, низ-к-ий,	низ-ш-ий, ниж-айш-ий

В русском языке позднейшего периода наблюдалось уклонение от законов сочетания звуков, вследствие чего появлялись самые разнообразные варианты концовок сравнительной степени: *ловчѣе*, *бойчѣе* (и в некоторых других словах, где *ѣ* не претерпел изменений после небного звука). Появились формы *слаще* (вместо *сладче* или *сладше*), *глубже*, *слабже* (вместо *глубче*, *слабче* или *глубше*, *слабше*) [5, с. 126].

В древнерусском языке вплоть до времен Ломоносова вместо *ѣе* употреблялось окончание *-ае* или *-ае*; напр. *блекляе*, *свѣтляе*, «согласно с северным наречием, где и доселе слышатся: *смѣляе*, *веселяе*, *громчае*, *корочае* и проч» [5, с. 127].

Русский язык во времена Ф.И. Буслаева пользовался как древнейшими, так и позднейшими формами сравнительной степени, однако в то время уже наметилась тенденция к их дифференциации. Древнейшие формы стали использоваться для выражения сравнительной степени, в то время как позднейшие приобрели новое для них значение превосходной степени. Правда, такое разделение наметилось только у четырех прилагательных, но эти прилагательные отличаются высокой частотой употребления. Соотношение форм степеней сравнения у этих прилагательных было таково:

Положительная степень	Сравнительная степень	Корень	Превосходная степень
велик-ий	боль-ш-ий	(другого корня)	велич-айш-ий
мал-ый	мень-ш-ий	(другого корня)	мал-ѣйш-ий
выс-ок-ий	выс-ш-ий		выс-о-ч-айш-ий
низ-к-ий	низ-ш-ий		ниж-айш-ий

Кроме того, Ф.И. Буслаев замечает, что форма *первѣйши* также имеет смысл превосходной степени.

Рассматривая таблицу, составленную Ф.И. Буслаевым, читатель обращает внимание на то, что в современном русском языке полные формы сравнительной степени этих прилагательных

тельных, как и всех других, перешли в разряд обычных качественных прилагательных, зачастую кардинально изменив свое лексическое значение.

Ф.И. Буслаев также отмечает, что древнейшие формы прилагательных отличаются от позднейших своим лексическим значением. В качестве примера он приводит формы сравнительной степени от слова *крас-ный*. Форма *краше* обозначает «лучше», а форма *краснѣе* – «алее». В старинном народном языке, пишет Ф.И. Буслаев, слово *красный* было обозначением не только алого цвета, но и имело значения «светлый», «хороший». Отсюда устойчивые выражения «красное солнце», «красная весна», «красный день», «красная девица» [5, с. 127].

Поскольку в русском языке происходило смешение древнейших окончаний сравнительной степени с позднейшими, возникали параллельные формы типа *богаче* и *богатѣе*, *позже* и *позднѣе*, *проще* и *простѣе*. Автор грамматики приводит многочисленные примеры употребления этих параллельных форм в произведениях русских литераторов и ученых – А.С. Грибоедова, Н.М. Карамзина, И.А. Крылова, М.В. Ломоносова, В.А. Жуковского.

Завершая анализ степеней сравнения имен прилагательных по периодам их формирования в церковнославянском и русском языках, Ф.И. Буслаев отмечает, что русский язык беднее церковнославянского формами степеней сравнения. «Въ просторечии онъ пользуется только краткими формами; напр. *умнѣе*, *дороже*, *короче*, *моложе*; полныя же, какъ остатокъ церковнославянскаго языка, предоставляет речи книжной и образованной, и при томъ даетъ имъ смыслъ превосходной степени; напр. *умнѣйшій*, *дражайшій*, *кратчайшій*, *младшій* <...>» [5, с. 128].

К особенностям русского языка принадлежит также добавление к формам сравнительной степени приставки *по-*: *потоньше*, *получше*, *подальше*, *побольше*. И еще одна особенность: для обозначения превосходной степени местоимение *самый* может добавляться как к формам положительной, так и сравнительной степени: *самый легкій*, *самый лучший*, *самый нужнейшій*, *самый злополучнейшій*. И вновь Ф.И. Буслаев приводит многочисленные примеры из произведений русской литературы.

Таким образом, история форм сравнительной степени сводится: а) к утрате парадигмы именного склонения краткой формы вследствие того, что сравнительная степень перестала использоваться в роли определения; в этом плане она повторила судьбу кратких прилагательных; продуктивной оказалась только форма именит падежа ед. числа среднего рода на – *ее* /–*ей*, –*е*, –*ше* (*сильн-ее*, *умн-ей*, *громч-е*, *тонь-ше*, *слащ-е*); форма неизменяемая, выполняет функцию сказуемого; б) к переходу полных форм сравнительной степени в состав прилагательных (*большій*, *меньшій*, *высшій*, *низшій*) либо к преобразованию в простую превосходную степень (*глубочайшій*, *строжайшій*, *справедливейшій*).

Значительное место в «Опыте исторической грамматики русского языка» уделено склонению прилагательных. Имена прилагательныя, а вместе с ними порядковыя числительныя, причастия и местоимения-прилагательныя, имеют два варианта склонения – простой и сложный.

К простому склонению относятся формы с кратким окончанием типа *добрѣ*, *пятѣ*, (в род. падеже *добр-а*, *пят-а*, *пол-пята*). К сложному склонению относились прилагательные с полным окончанием: *добрый*, *пятый*, *бьющій*, *таковый*. В родительном падеже *добр-аго*, *пят-аго*, *бьющ-аго*, *таков-аго* и пр.

Краткие формы склонялись по образцу имен существительных, оканчивающихся в мужском роде на –*ъ* или –*ь*, в женском роде на –*а* или –*я*, в среднем роде – на –*о*, –*е*:

	мужск. род	женск. род	средн. род
И.п.	добр-ъ	добр-а	добр-о
Р.п.	добр-а	добр-ы	добр-а
Д.п.	добр-у	добр- ѣ (ять)	добр-у

Полные формы изменялись с помощью прилагаемого к ним склонения личного местоимения *и, я, е*. [5, с. 219]. По образцу прилагательных склонялись порядковые числительные, причастия и местоимения-прилагательные.

С точки зрения Ф.И. Буслаева, история склонения церковнославянских и русских прилагательных имеет три периода: *древнейший, средний и позднейший*. Первый из названных периодов соотносится с древнейшим периодом церковнославянского языка. Второй (средний) период имеет отношение к древнерусскому языку и областным диалектам, а также и церковнославянскому языку, изменившемуся под влиянием русского. Позднейший период – это книжный и разговорный язык, которыми пользовались современники Ф.И. Буслаева [5, с. 220].

На ранних стадиях развития церковнославянского языка (*древнейший период*) краткие и полные прилагательные отличались своими склонениями, а полные склонения в своих падежных формах «явственно выказывали присутствие личного местоимения»: *добра-аго* (древнейш. *добра-его*), *доброу-оумоу* (древнейш. *доброу-емоу*), *добры-имъ, добры-ихъ, добры-ими* [5, с. 220]. В примечании Ф.И. Буслаев пишет, что полногласные формы прилагательных свойственны в основном памятникам болгарской письменности, которые сохраняют первоначальный вид этих форм.

Далее приводятся парадигмы древнейшего склонения кратких и полных прилагательных, парадигмы склонения прилагательных сравнительной степени в краткой и полной форме; кроме того, дается склонение церковнославянских причастий в краткой форме.

С появления древнейших памятников славянской письменности начинается *средний период* в истории склонения прилагательных. Он характеризуется тем, что в памятниках встречаются как древнейшие формы прилагательных, так и более поздние, которые воспринимаются либо как исключения, либо как ошибки писца. Однако в памятниках позднейших веков эти «неправильные» формы становятся основными.

В истории склонения прилагательных следует обращать внимание, как считает Ф.И. Буслаев, на сокращение количества гласных в окончаниях полных прилагательных (автор называет это явление сокращением полногласных окончаний), а также на смешение полных окончаний с краткими. Чтобы разобраться в этих двух явлениях, необходимо описать, как полные и краткие прилагательные представлены а) в церковнославянских памятниках, написанных в России, б) как они представлены в древнерусском языке и в) как они функционировали в областном просторечии. Таким образом, он ставит перед собой сложную задачу, которую, в целях удобства дальнейшего изложения, целесообразно представить в виде таблицы:

	в цс. памятниках	в древнерус. яз.	в областном простор.
Полные прилаг.	1) сокращение количества гласных в оконч. полных прилаг.; 2) смешение полных окончаний с краткими		
Краткие прилаг.			

В памятниках XI и XII веков наблюдается уменьшение количества гласных в окончаниях полных прилагательных, некоторые гласные уже не пишутся, поэтому встречаются написания *имуц-аго, имуц-ему, свят-ыхъ* вместо *имуц-а-аго, имоуц-оу-оумоу, свят-ы-ихъ* и проч. Даже в Остромировом Евангелии дат. пад. ед. числа пишется *сѣтяжавъш-оумоу* вместо положенного *сѣтяжавъш-оу-оумоу*; приводятся и др. под. примеры, свидетельствующие о начавшемся разрушении древнейшей парадигмы склонения.

В древнерусских источниках иногда встречаются отголоски старины в виде полногласных форм прилагательных: *Новгородскихъ, Новгородскимъ, третья, третью* и проч. А в языке летописей даже относительные имена прилагательные удлинняют свои окончания: (жену) *Борисовую, Глебовою, Романовою* и проч.

Во времена Ф.И. Буслаева подобные формы встречались и в просторечии (*хорошимъ, хорошихъ*) и, как он отмечает, в духовных стихах («во чистоемъ поле», «во дальнеей во долине») и в песнях («тонкиемъ полотномъ», «горемъ великиемъ»).

Ф.И. Буслаев дает пояснения к истории окончаний других падежей, однако у читателя возникает вопрос: почему в современном русском языке произносятся [добръва, страшнъва, красивъва], а пишется «доброго, страшного, красивого»? Почему этих письменных форм нет ни у Ф.И. Буслаева, ни у А.Х. Востокова? Ответ можно найти в исторических грамматиках русского языка более позднего периода, написанных уже во второй половине прошлого века. Так, В.В. Иванов считает, что окончания полных прилагательных уже в древнерусском языке попали под влияние указательного местоимения *тъ, та, то*. Такое влияние сказалось в единственном числе, где появились формы *добр-ого* (ср.: *т-ого*), *добр-ому* (ср.: *т-ому*), *въ добр-омъ* (ср.: *въ т-омъ*), *добр-ой* (ср.: *т-ой*) [4, с. 314–315]. Реформой 1917 года было установлено написание *-ого* как для ударных, так и для безударных окончаний [1, с. 236–237].

Краткие прилагательные долгое время сохраняли все свои падежные формы, противопоставляясь тем самым полным прилагательным. Однако наступил момент, когда из-за совпадения некоторых форм множественного числа полные и краткие прилагательные стали смешиваться. Тем не менее, краткие прилагательные прочно удерживали свои позиции и продолжали изменяться по образцу имен существительных, от которых они и произошли в свое время. Краткие прилагательные, как отмечает Ф.И. Буслаев, широко употреблялись и в просторечии того времени. Он приводит примеры употреблений из народных песен: «*бѣль горючь* камень», «*чисто* серебро», «*красно* золото», «*добра* молодца», «*добру* молодцу», «*бѣлы* руки», «въ мать *сыру* землю» [5, с. 226].

Позднейший период в развитии системы склонения прилагательных приходится на современный Ф.И. Буслаеву язык, созданный русской литературой. Этот период характеризуется сужением функций кратких прилагательных, постепенной утратой ими способности быть определениями к существительным. Краткие формы стали все чаще употребляться в составе сказуемых, приобретая тем самым значение времени и становясь «спрягаемыми» (напр. «Богъ всемогущъ»). Однако при этом они утрачивали способность изменяться по падежам и постепенно вообще потеряли свое склонение, сохранив только формы рода и числа (*добръ, добра, добро, добры*), а также форму дательного падежа мужского и среднего рода в сочетании с инфинитивом вспомогательного глагола *быть*: «быть богату» «быть бедну» «быть взяту» [5, с. 226].

В качестве определения стали употребляться прилагательные в полной форме (напр. «добрый человекъ»).

В русском языке сохранился ряд реликтовых форм в виде кратких прилагательных, которые продолжают склоняться по именному типу (с небольшими изменениями). К их числу автор относит следующие группы слов.

1. Относительные прилагательные, оканчивающиеся на *-овъ, -евъ, -инъ, -ынъ*, смешали краткосклонение с полным. Окончания этих прилагательных удобнее представить в таблице, условно обозначив полные формы курсивом:

	Мужск. род	Женск. род	Средн. род	Множ. число
И.п.	отцевъ	отцева	отцево	отцевы
Р.п.	отцева	<i>отцевои</i>	отцева	<i>отцевыхъ</i>
Д.п.	отцеву	<i>отцевои</i>	отцеву	<i>отцевымъ</i>
В.п.	отцевъ, отцева	отцеву	отцево, отцева	отцевы, <i>отцевыхъ</i>
Т.п.	<i>отцевымъ</i>	<i>отцевою</i>	<i>отцевымъ</i>	<i>отцевыми</i>
П.п.	(объ) <i>отцевомъ</i>	(объ) <i>отцевои</i>	(объ) <i>отцевомъ</i>	(объ) <i>отцевыхъ</i>

Исконные падежные формы сохранили прилагательные мужского и среднего рода единственного числа, за исключением форм творительного и предложного падежей; в женском роде сохранились краткие формы именительного и винительного падежей, как и во множественном числе. Остальные формы приобрели полные окончания.

Таким же образом склоняются имена собственные, образованные от притяжательных прилагательных. Исключение составляет форма предложного падежа, которая относится к именному склонению и сохраняет окончание -е (ять): *Пушкинъ, Пушкина, Пушкинымъ, о Пушкинѣ; Царицыно, Царицына, Царицынымъ, о Царицынѣ*.

2. Относительные прилагательные на -ий сохраняют исконные именные формы в родительном, дательном и предложном падежах единственного числа всех трех родов. Ф.И. Буслаев называет краткие формы прилагательных *Божій и вражій* в мужском и среднем роде (в таблице выделено курсивом). Краткие падежные формы имеют параллельные полные:

	мужск род	полная форма	средн род	полная форма
И.п.	Божій		Божіе	
Р.п.	<i>Божія</i>	Божіяго	<i>Божія</i>	вражяго
Д.п.	<i>Божію</i>	Божіему	<i>Божію</i>	вражьему
В.п.	Божій, Божія		Божіе, Божія	
Т.п.	Божіимъ		Божіимъ	
П.п.	(о) <i>Божіи</i>	(о) Божіемъ	(о) <i>Божіи</i>	(о) вражьемъ

Краткие формы употребляются как в книжной, так и в разговорной речи. Ф.И. Буслаев приводит пример из Пушкина: «али дождаться свѣту Божія» [5, с. 227].

Описанные выше две группы слов Ф.И.Буслаев называет относительными прилагательными, но современному читателю понятно, что речь идет об особой разновидности этих прилагательных, семантика которых характеризуется наличием предметности с дополнительными значениями лица и принадлежности этому лицу. То есть к реликтовым формам кратких прилагательных Ф.И. Буслаев относит притяжательные прилагательные.

3. Субстантивированные краткие прилагательные типа *молебень* (от прил. *молебный*), *вселенна* (от *вселенный*, т.е. заселенный), *обѣдня*, *вечерня*, *заутреня*, *добро*, *зло*, *войско* и др. Известны и полные формы некоторых из перечисленных слов, также подвергшиеся субстантивации: *обѣдня*, *заутреня*.

К этой же группе принадлежат относительные краткие прилагательные сохранившиеся в названиях городов: *Архангельскъ, Архангельскомъ, въ Архангельскѣ; Смоленскъ, Смоленска, подъ Смоленскомъ, о Смоленскѣ; Полоцкъ* (вм. *Полотскъ*), *Полоцкомъ, о Полоцкѣ; Кіевъ* (при существительном *Кій*), *Кіеву, за Кіевомъ, въ Кіевѣ; Ярославль, Ярославля, Ярославлемъ* и проч. [5, с. 228].

Возможно, что к словам этого типа примыкает и существительное *дѣва* (дева), образовавшееся от усеченного прилагательного, которому соответствует полное прилагательное *дѣвая*. Слово *християнъ* в древней церковнославянской письменности употреблялось как прилагательное, в дальнейшем от него образовалось существительное *християнинъ*.

4. Краткие прилагательные в составе сложных слов. Наиболее известны *новъ* и *бѣло* в собственных именах: *Нов-городъ, Бѣло-озеро*. Род. пад. *Нова* (города), *Бѣла* (озера); дат. *Нову* (городу), *Бѣлу* (озеру), предл. *в Новѣ* (городѣ), *на Бѣлѣ* (озерѣ) вместо *въ Новомъ* (городѣ), *на Бѣломъ* (озерѣ). Однако в творительном падеже присутствует полная форма прилагательного: *Новымъ* (городомъ), *Бѣлымъ* (озеромъ) вместо именной краткой *Новомъ* (городомъ), *Бѣломъ* (озеромъ). Входят в употребление и формы *Новгорода, Новгороду, Новгородомъ*.

В названии *Ивань-городъ* склоняется только вторая часть: *Ивань-города, Ивань-городомъ* вместо *Иваня-города, Иванемъ-городомъ*.

5. Местоимения и числительные типа *всякъ, пять, самъ, онъ* и др. при наличии полных форм *всякий, пятый, самый, оный*.

6. Краткие формы присутствуют в наречиях: *снова, сперва, смолоду, вчуже, издалека*, а также в выражениях: «от мала до велика», «въ-три-дорога», «безъ ведома», «съ ведома». Мало понятное многим нашим современникам словосочетание *Четѣи Минеи* (переводится как «читаемые по месяцам»; описания житий святых по месяцам и дням) содержит краткое при-

лагательное *четьи* (мн. число от *четий*), которое в единственном числе изменяется по именному склонению.

Далее Ф.И. Буслаев обращается к описанию употреблений кратких форм, заимствованных из церковнославянского и древнерусского языков, а также областных наречий. «Нашъ книжнй языкъ пользуется краткими формами какъ церковнославянскаго языка, такъ и древнерусскаго и областнаго. Старинные писатели весьма богаты этими формами» [5, с. 229]. Автор приводит выдержки из поэтических произведений М.В. Ломоносова: «въ крови *Молдавски* горы тонуть»; «гдѣ зримъ *всходящу* къ намъ денницу»; «Что ноги узами звучать, *котory* для отгнанья стада *чужи* поля топтать готовы» и др. (из Оды на взятие Хотина).

В речи возвышенной употребляет краткие формы прилагательных А.С.Пушкин: «Къ его одру, Царю едино зримый, // Явился мужъ необычайно *свѣтель*» (Борис Годунов)

Примеры разговорной речи приводятся из произведений А.С. Грибоедова: «Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до *бѣла* дня // Въ приличьяхъ скованы – не вырвешься изъ ига!» (Горе от ума).

После обзора употреблений прилагательных в речи Ф.И. Буслаев вновь обращается к явлениям языка, точнее – к особенностям падежных форм полных имен прилагательных.

1. Именительный падеж. В именительном падеже ед. числа муж. рода под ударением появляется окончание *-ой* вместо обычных *-ый* и *-ий*: *нѣмой*, *глухой*, *чужой* и проч. Окончание *-ой* / *-ей* было возможным в древнерусском и областном языке и без ударения. Так, в Грамматике Ломоносова допускаются формы *истинной*, *прежней*, *Божей* и др., вместо *истинный*, *прежний*, *божий*.

2. Родительный падеж. Субстантивированные прилагательные мужского и среднего рода, оканчивающиеся на *-ой* и *-е*, в родительном падеже имеют окончание *-ова* вместо *-аго*: *Толстой* – *Толсто́ва*, *жаркое* – *жарко́ва*.

Родительный падеж полных имен прилагательных мужского и среднего рода в древнерусском языке и в областных наречиях характеризуется большой вариативностью окончаний. С помощью таблицы можно наиболее наглядно показать это многообразие вариантов, когда единого общенационального языка еще не было, зато существовали «наречия».

<i>В наречии</i>	<i>Оконч. родит. падежа</i>	<i>Примеры</i>
Новгородскомъ	–ого, –ёго	доброго, синёго
Рязанскомъ	–ага, –ава	добрага и добрава
Московскомъ	–ова, –ева	добрава, хорошева
Владимирскомъ	–ово, –ёво	хорошово, лишнёво

3. В родительном падеже ед. числа жен. рода произошла замена древних окончаний новыми:

<i>Древние окончания род. п. жен. рода</i>	<i>Новые окончания</i>
–ья, –ія, –ая	–ой, –ей
добрыя	доброй

В высоком слоге иногда встречаются рядом и древнее и новое окончание, напр. у Жуковского: «блещетъ куполь *соборныя* величественной церкви»; «онъ *слабыя*, *земной* руки создание» [5, с. 231].

Ф.И. Буслаев относит «к замечательнейшим областным уклонениям»:

1) использование окончаний *-ёю*, *-ою* в родительном и дательном падежах прилагательных женского рода, «напр., в песн. «до *вашёю* да до милости»; «приезжал ведь он да ко Дунай-реке, «ко *широкою* да ко *глубокою*» (Архан.)» [5, с. 231];

2) окончания *-ымъ*, *-ема*, *-ыма* в творительном падеже множественного числа (вместо *-ыми*, *-ими*, *-еми*): «заросла моя деревня долами горами, и долами и горами, *крутымъ* берега-

ми»; «со *всѣма дѣтьми любезныма*, со *всѣма* да со церковники – «грамотѣями духовныма» (Арханг.).

4. Разновидности окончаний имен прилагательных в именительном падеже множ. числа

в «нынешнем» языке			в церковнославянском			в древнерусском		
М.р.	Ж.р.	С.р.	М.р.	Ж.р.	С.р.	М.р.	Ж.р.	С.р.
-ые	-ья	-ья	-ии	-ая	-ья	-и, -е, -я		
добрые, добрыя, добрыя			добрии добрая добрыя			добрыи добрые добрыя		

Склонение относительных имен прилагательных, оканчивающихся на *-ий*, (типа *вражій, рыбій*) отличается от склонения других прилагательных с таким же окончанием. Отличается тем, что прилагательные на *-ий* либо удерживают звук *и*, либо сокращают его до *ь*. Например, *вражій, вражі-яго* и *вражь-яго, вражі-ему* и *вражь-ему*. Ср. склонение прилагательных качественных: *син-ий, син-яго, син-ему* и т.д. Сокращение звука *и* на *ь* свойственно русскому склонению, этим оно отличается от церковнославянского. Вот почему в разговорном языке распространены формы *рыбій, рыба, рыба, рыба, рыба, рыба, рыба* и т.п. (вм. *рыбия, рыба, рыба, рыба* и др.) [5, с. 232].

Субстантивированные имена прилагательные типа *нищій, кормчій, лѣсничій, лѣшій* и др. склоняются как прилагательные: *нищаго, кормчаго, лѣсничаго, нищему, кормчему, лѣшему, о лѣсничем; нищіе, кормчіхъ* и проч.

Создавая «Опыт исторической грамматики русского языка», Ф.И. Буслаев опирался на два основных принципа: сравнительный и исторический. На протяжении всей своей книги он сопоставляет факты греческого, церковнославянского, древнерусского, русского языков и областных наречий, показывая, как зародилось и развивалось то или иное явление, как оно представлено в русском языке, в том числе в произведениях русских писателей. В результате была создана подвижная картина изменений имен прилагательных на всех языковых уровнях – фонетическом, морфемном и словообразовательном, морфологическом и синтаксическом.

История кратких прилагательных, согласно Ф.И. Буслаеву, включает следующие этапы: 1) в древнейший праславянский период эти слова отличались от существительных только тем, что их основы обозначали признак, а не предмет; морфологически они были подобны существительным, правда, в отличие от последних, имели формы трех родов. Краткие прилагательные склонялись как существительные и выполняли синтаксическую функцию определения; 2) в древнерусском языке краткие прилагательные существовали наравне с полными, но в функции определения они явно проигрывали последним, поэтому наметилась тенденция к постепенному вытеснению кратких прилагательных в область спрягаемых слов, то есть таких, которые употребляются в роли сказуемого; 3) в русском языке эта тенденция окончательно закрепилась, краткие прилагательные стремительно утрачивали формы склонения, хотя сохранились многочисленные следы употребления их в роли определения.

История полных прилагательных начинается с того, что при переводе греческих текстов на церковнославянский язык славянские переводчики столкнулись с категорией определенности / неопределенности, которая существовала в греческом языке, но не была известна в славянских. Показателем определенности / неопределенности в греческом языке был «член», представлявший собой постпозитивный артикль. Подобный артикль был введен и в церковнославянский язык, его функции стало выполнять местоимение *и* (в косвенных падежах *его, ему* и т.д.). Присоединение местоимения к окончанию кратких прилагательных привело, особенно в косвенных падежах, к появлению громоздких окончаний (*добр-а-его, добр-у-ему* и т.п.). Необходимость в выражении определенности / неопределенности постепенно отпала, но на месте «полногласных», по выражению Ф.И. Буслаева, окончаний стали формироваться окончания особого типа, главным грамматическим значением которых стало значение «признака / определения». Именно они явились показателем принадлежности слова к

прилагательным. Сами полногласные окончания подверглись разнообразнейшим фонетическим преобразованием, подробно описанным Ф.И. Буслаевым. Однако, при всех своих фонетических вариациях, они претерпели опрощение и мутацию грамматического значения. Эти процессы «переплавили» прежнее громоздкое единство субстантивного окончания краткого прилагательного и местоимения-члена в качественно новую морфему, которая наилучшим образом обеспечивала полному прилагательному выполнение его главной синтаксической функции определения.

Ф.И. Буслаев выделял два разряда имен прилагательных и никак не обозначил притяжательные, хотя уделил им в своей грамматике достаточно большое внимание. Деление прилагательных на разряды было необходимо Ф.И. Буслаеву только для того, чтобы осветить вопрос о производности относительных прилагательных.

Главную ценность книги составляет описание системы морфем имен прилагательных, в котором были обозначены приставки, корни, словообразовательные и формообразующие суффиксы и окончания. Впервые было заявлено, что имена прилагательные могут производиться не только от адъективных, но и от других корневых морфем – субстантивных, глагольных, числовых, местоименных, наречных. Из этого следует, что семантика корня не является главным аргументом при отнесении слова к определенной части речи. И хотя в ряде случаев она оказывается очень весомой, Ф.И. Буслаев считает главным показателем частеречной принадлежности концовку слова, включающую или только окончание, или же, что наблюдается гораздо чаще, единство суффикса и окончания. Поэтому к прилагательным он относит и порядковые числительные, и местоимения-прилагательные, и причастия.

В «Опыте исторической грамматики русского языка» содержится и подробное описание видоизменений форм сравнительной степени, сопровождавшееся исчезновением парадигмы склонения краткой формы и завершившееся тем, что эта форма стала неизменяемой. Полные формы сравнительной степени утратили свое прежнее значение и превратились либо в прилагательные, либо в формы простой превосходной степени.

История склонения имен прилагательных сводится 1) к резкому сокращению количества парадигм склонения и 2) к внедрению окончаний полных прилагательных в парадигмы склонений прилагательных притяжательных.

«Опыт исторической грамматики русского языка» насыщен описанием многочисленных чередований гласных и согласных звуков, возникших в результате кардинальных преобразований фонетических систем сначала всех славянских языков (закон возрастающей звучности при построении слога и закон слогового сингармонизма), а затем и фонетической системы русского языка, которая пережила падение редуцированных и другие фонетические процессы. Ф.И. Буслаев скрупулезно описывает не только фонетические чередования, но и специфические явления в области морфологии, в частности, обратные процессы, когда, например, относительные прилагательные по аналогии с качественными начинали употребляться в краткой форме, а притяжательные прилагательные в полной.

Ф.И. Буслаев привлекает поэтичность народного языка, которая сказывается в особом звучании падежных окончаний, в употреблении кратких форм прилагательных, в особом складе речи. Ученый уделяет много внимания литературному языку, приводя множество примеров словоупотреблений из произведений талантливых авторов.

С выходом учебного пособия Ф.И. Буслаева «Опыт исторической грамматики русского языка» закончился первый этап научного изучения частей речи в русском языке, который характеризуется нарастанием «понимания того, что части речи не являются всеобщей логико-психологической категорией, но представляют собой такую классификацию слов, в которой так или иначе отражаются грамматические особенности того языка, который является предметом анализа» [10, с. 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. – М.: КомКнига, 2006. – 512 с.

2. Виноградов В.В. Синтаксическая система Ф.И. Буслаева // Виноградов В.В. История русских лингвистических учений: Учеб. пособие для филол. специальностей университетов. – М.: Высшая школа, 1978. С. 69–90.
3. Востоков А.Х. Объ имени прилагательномъ // Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. – СПб.: В Типографии И.Глазунова, 1831. С. 52–88.
4. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 399 с.
5. Имя прилагательное // Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей. Часть I. Этимология. – М.: В университетской типографии, 1858. С. 117–232.
6. Имя прилагательное // Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей. Часть II. Синтаксис. – М.: В университетской типографии, 1858. С. 225–240.
7. Плотникова В.А. (Робинсон). Прилагательное // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.
8. Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
9. Современный русский литературный язык: Учебник / Под ред. П.А. Леканта. – М.: Высшая школа, 2004. – 462 с.
10. Супрун А.Е. Части речи в русском языке. – М. Просвещение, 1971. – 133 с.

УДК 81.33

К. С. Вялкова

Научный руководитель: канд. филол. наук, доцент Л.В. Коростелева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация. Сегодня можно четко проследить тенденцию приближения рекламных текстов к устно-разговорной речи. Имитация непринужденной устной речи приближает язык рекламы к повседневной речи потребителя, облегчая тем самым восприятие текста и привлекая внимание не только целевой аудитории, но и потенциально новой аудитории

В данной статье предпринята попытка осветить употребление стилистически окрашенной лексики в рекламных текстах на примере рекламных кампаний Альфа-Банка 2009 и 2010 года.

Ключевые слова: лексика; стиль; стилистически окрашенная лексика; рекламный текст.

Сведения об авторе: Вялкова Ксения Сергеевна, методист кафедры иностранных языков Нижневартовского государственного университета, магистрант кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартовского государственного университета.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3-Б, ауд. 305; тел. 8(3466)273510, e-mail: ksenia.vyalkova@gmail.com.

K. S. Vyalkova

Supervisor: candidate of philological sciences, associate professor L.V. Korosteleva

USING OF CONNOTATIVE WORDS IN ADVERTISING TEXTS

Abstract. Today we can clearly trace the tendency of approaching of advertising texts to verbally spoken language. Imitation of casual speech brings the language of advertising to the everyday speech of the consumers, thereby facilitating the readability of text and attracting the attention of not only target population but also potentially new audience.

This article attempts to describe the use of connotative words in advertising texts. As an example used advertising campaigns of Alfa-Bank in 2009 and 2010.

Key words: vocabulary; style; connotative words; advertising text.

About the author: Vyalkova Ksenia Sergeevna, methodologist, Department of Foreign Languages, Nizhnevartovsk State University, graduate student of the Department of Philology and Mass Communications of the Nizhnevartovsk State University.

Мы живем в мире информационных потоков, ежедневно получая огромное количество информации, среди которой реклама в том или ином виде занимает не последнее место. В связи с этим перед рекламными специалистами встает сложная задача: создать такой рекламный текст, который запомнится потребителям и войдет в повседневную речь, не теряя